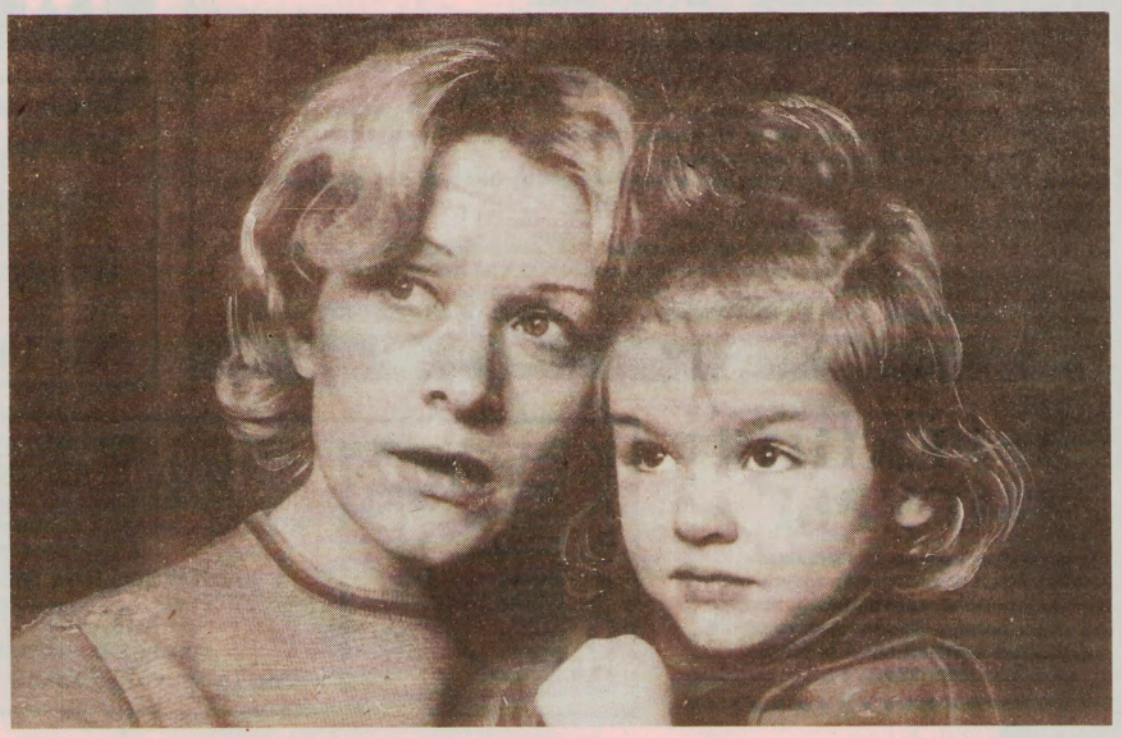
ЖЕНСКИЕ ДЕЛА №1, 95г.

с. 8.

ВАЛЕНТИНА ТАЛЫЗИНА:

«НЕ ПОЙДУ Я ЗА МИЛЛИОНЕРА!»

И опять мы с Валентиной Илларионовной Талызиной пьем кофе, поглядываем в окно с высоты на дивный московский вид, и я опять пришел с поздравлениями. А все потому, что у Валентины Илларионовны юбилей, а знаем мы друг друга несчетное число лет.
Играет ли она в жизни? Наверное. Артистка ведь. Но «играет» умную, интересную, очень нескучную женщину.



- Тебе не кажется, что жизнь несколько изменилась?

- Например?

- Ну, раньше до тебя не дозвонишься - на репетиции, на спектакле, на телевидении, в бассейне. А сейчас позвонил - да хоть сейчас приходи.

- Ну, а в моем пожизненном театре имени Моссовета действительно не все ладно. С тех пор как умер Завадский Юрий Александрович.

- Вы ведь с ним очень разные люди были...

- Но он меня любил, а я его и до сих пор боготворю. Понимаешь, у него в душе горела «свечка к искусству». Для него главным было - талант, индивидуальность в человеке. Остальное все - потом. Он, например, обожал Риту Терехову. И правильно делал. Это же чистое волшебство, что она творит в искусстве.

- А может, как-то время начинает работать против?

- Да что ж мы с Ритой 20 лет назад были умней и талантливей?

Вот в кино, если так можно выразиться, дела получше. В одном фильме уже отснялась. В другой пригласили, обо всем договорились, но съемки пока не начали. Инфляция съедает деньги, отпущенные на картину. Не поспевает за инфляцией, извини, творческий процесс.

- Так у тебя на телевидении две прекрасные передачи были - о Гиппиус и о Бунине.

- То есть ты не представляешь, как я себя зауважала - я ведь и сценарий сама написала, и сама исполняла. А надо тебе сказать, что последний раз сочинение я писала в школе.

- Ну хорошо, что это мы все о тебе да о тебе? Давай о нас, зрителях. Как нам-то быть? Ходить в кинотеатры, смотреть американские фильмы?

- Ты знаешь, не будем вдаваться в искусствоведческие подробности, но мы воспитаны на нравственном кино, если угодно, содержательном кино. Это качество относится даже к довольно заурядным фильмам. Да, иной раз цель была гораздо выше средств. Но цель была. Американское кино - это что-то вроде семечек: пощелкал и забыл. То есть просто чем-то время занял. Я, правда, считаю, что и такие фильмы нужны. Но не только же такие.

- Ты еще мексиканские сериалы похвали...

- Ой-ой, какие мы образованные! Нет, за все я заступаться не стану. Но «Санта-Барбару» стараюсь смотреть регулярно. Тоже, конечно, что-то вроде «семечек», но, понимаешь, в этом фильме все время что-то происходит. Я к нему как к кроссворду отношусь - стараюсь угадать, что дальше произойдет: кто забеременеет, а кто - нет, кто уедет, а кто останется? Это что-то вроде игры. При этом я могу шить, мыть полы, стряпать - это «Санта-Барбаре» никак не мешает. Я же в этой «Санта-Барбаре» свой человек. Ну, сходила на кухню, ну, вернулась, а там, оказывается, пока тарелки мыла, кто-то родился.

- Ценю твой юмор, но заботиться о высоком искусстве ты, видимо, предоставляешь мне?

- О-хо-хо! Знаешь, я как-то выступала перед ветеранами войны. И вот подходит ко мне уже немолодой, симпатичный мужичок: «Ну скажите вы им там, где наши артисты? Надоело мне американское кино!» А кому я «им там» скажу, что мне тоже надоело?

- Слушай, а как ты вообще в артистки попала?

- Творчеством я увлеклась еще во втором классе школы нашего совхоза «Борисовский». В моем репертуаре была, прежде всего, музыка из трофейных фильмов. Коронным номером - песня о любви из «Серенады Солнечной долины».

Ты не представляешь, как орала директриса школы на мою учительницу за то, что я пою о любви. А у меня это как раз была пора безумной влюбленности в одного хорошенького мальчика из 2-го класса «б». Так что я много чувств вложила в исполнение этой песни.

А потом проучилась почти три года в Омском сельскохозяйственном институте и поехала в Москву. И меня приняли в ГИТИС.

- Ну а если бы тебя не приняли в ГИТИС и ты не стала бы актрисой...

- Знаешь, я холодею от этого вопроса. Мне просто страшно подумать, что я могла бы не стать артисткой. Это так же страшно, как если бы я могла умереть. Просто не представляю, что бы было, если бы я не стала актрисой... Мне даже, пожалуй, все равно, кем бы я тогда стала. Какая разница? Все равно жизнь была бы загублена.

- А из института сразу в театр имени Моссовета? Или не сразу?

- Сразу! Меня там очень хорошо приняли старшие - и Любовь Орлова, и обычно довольно замкнутая Вера Марецкая. А боготворимая Фаина Георгиевна Раневская (мне передали) сказала: «Талызина лучше меня - она умеет играть и лирические, и комические, и трагические роли». Я, как ты понимаешь, не настолько идиотка, чтобы хоть чуть-чуть сравнивать себя с Раневской. Но сам факт, что она похвалила, - это для актрисы как орден.

- Было у тебя в жизни счастье?

- Было! Это когда я снималась в фильме «Зигзаг удачи» с двумя замечательными людьми и двумя замечательными артистами - Евгением Евстигнеевым и Георгием Бурковым. Господи, какая чистота таланта, какая чистота души! Понимаешь, мы, не сговариваясь, точно почувствовали, что именно нам надо играть. И оттого нам было легко и весело.

Вот это и есть счастье!

А как мы замечательно «поддавали»! Съемки-то шли по 12 часов на морозе. Приходилось «для сугрева» принимать. Ну иначе околели бы!

Как-то раз мы работали в Благовещенском переулке. Ближе к вечеру купили «сугреву», забежали в подъезд, разлили по стаканам и... открывается дверь в подъезд, входит Аркадий Райкин с женой. Ну, мы руки со стаканами за спину, а остальными руками с Аркадием Исааковичем здороваемся. И чего-то он разговорился - об искусстве, о картине, в которой мы снимаемся, то есть общается с младшим поколением. А уже зуб на зуб не попадает. Наконец уехал с женой на лифте. Жорка Бурков с нами поспешно чокнулся и говорит: «Давайте быстрее, а то еще кто-нибудь войдет!»

Господи, как я их любила - и Женю, и Жору! Женя мне свое фото подписал: «Я, можно сказать, тебя люблю». Написал, конечно, иронически, а я приняла всерьез и на всю жизнь.

- Валя, я не знал, что твоя мама Анастасия Трифоновна умерла. Светлая ей память, удивительная была женщина.

- Когда мама умерла, мне даже показалось, что я этого не переживу. Она ведь всем была в моей жизни. Я, наверное, никогда от этого удара не оправлюсь... И не надо об этом.

- А как тебе самой удается роль матери?

- Быть мамой взрослой дочери - сложно. Я не хотела, чтобы Ксения стала актрисой. Она стала. Впрочем, это не обсуждаемо.

Знаешь, воспитание - понятие условное. Помогать, конечно, нужно. Но как-то специально воспитывать? Все дело в любви. Между матерью и дочерью должна быть доверчивая любовь. Она многое определяет. Надеюсь, у нас с Ксенией это взаимное чувство. На нем и строятся взаимоотношения в нашей семье. От любви рождается взаимная деликатность, невозможность «силовых нажимов», хотя иногда они очень просятся. Вот так и живем с артисткой театра Российской армии Ксенией Леонидовной Талызиной.

- Ну и каковы впечатления о дочери-актрисе?

- Я все-таки опытный профессионал, вижу все ее ошибки. То есть заранее вижу, что получится. Но молодые во все века плохо прислушивались к мнению старших. Нынешнее поколение - не исключение. Ну что ж, пусть набивает шишки, так крепче будет.

Они не очень понимают главный закон искусства: сколько вложишь, столько и получишь. Когда Ксения всю себя отдает, у нее неплохо получается.

- Продолжим интимный разговор. Что ты делаешь, если мужчина тебе нравится, а ты ему не нравишься?

- Говорю: «Ну и не надо!» Пусть ему будет хуже.

- Раньше, помнится, было не совсем так.

- Раньше ужасно переживала, хотела, чтоб по-моему было. Понимаешь, дело ведь было не в том, что ему не нравилась, а в том, чтоб по-моему было. Господи, что, ты женщин не знаешь? Сейчас, видимо, мудрость пришла...

- Мудрость ли?

- Не задавай гадких вопросов.

- Как ты относишься к богатству?

- Я бы все сберегательные банки на свете отдала за одну роль.

- Какую?

- Хорошую!

- Как ты относишься к юмору?

- Как к спасению. Юмор, он ведь спасает. Иногда, правда, юмора не хватает. За примерами далеко ходить не надо.

Я не сторонник, так сказать, неправомочных заработков. И поэтому ни в какие МММ не кинулась, да, в общем-то, особо не с чем было и кидаться. А тут прямо у нас в доме открывается банк «Горный Алтай». Ну уж слишком удобно! Вот я туда коечто и отнесла. А там в окошке работала женщина, которая мне сказала: «Ой, вы моя любимая актриса! Давайте все ваши депозиты, я сама за всем прослежу!»

Банк, как ты понимаешь, лопнул. И соответственно исчез из нашего дома. По нынешним понятиям, все нормально.

Вот такая смешная история. Но я чего-то не хохочу. Видимо, чувства юмора не хватает.

- А как ты относишься к розыгрышам?

- Сама разыгрывать не очень умею. Очень смеюсь, когда другие разыгрывают других.

Что касается розыгрышей в мой адрес. Ты знаешь, я подвох за версту чую. Но вот в одном деле прокалываюсь, как последняя идиотка.

Есть такой профессиональный имитатор Олег Забродин. Ну он гениально подражает голосам. И, представляешь, он довольно регулярно звонит мне и, абсолютно точно подражая голосу какого-нибудь известного режиссера, предлагает роль в фильме. И я, как последняя идиотка несчастная, каждый раз на это попадаюсь. Ты знаешь, это ведь такое счастье - поработать с настоящим режиссером.

- Хотелось бы тебе стать женой миллионера?

- Еще бы! Но ненадолго. Долго я бы его не выдержала. Но немножко неплохо бы пожить, не думая, на что жить. Хотя, говорят, артист должен быть голодным, чтобы хорошо играть.

- А миллионер бы этот долго смог тебя терпеть?

- А он бы на мне и не женился. Я ведь свободу люблю. Знаешь, я, пожалуй, откажу этому твоему миллионеру. Ну его!

- К вопросу о юбилее... А как у тебя со знаками Зодиака?

- До сих пор не знаю, кто я - Собака или Свинья? В хорошем, как ты понимаешь, смысле слова. Если Собака, то очень любит справедливость. Это точно я. Если Свинья, то спокойная, уютная. Не поверишь, это тоже я. Вот и пойми! При этом и Собака, и Свинья, обе, видишь ли, умные. Опять же хочется надеяться, что это я... Одним словом, ясности нет... Но вообще-то, я - Водолей.

- Ну а как ты относишься к своему юбилею?

- А никак! И эта цифра вообще не имеет ко мне никакого отношения.

Беседу вел Эдуард ГРАФОВ